

Николай Михайлович Карамзин

**Речь, произнесенная
на торжественном
собрании Императорской...**



Николай Михайлович Карамзин

**Речь, произнесенная на
торжественном собрании
Императорской Российской
Академии 5 декабря 1818
года**

Карамзин произнес речь в связи с избранием его членом Российской академии 5 декабря 1818 года.

«...Академия, желая возбудить деятельность умов, и прежде задавала темы писателям, обещая награды успеху: сей способ, одобряемый примером знаменитейших ученых обществ, Французской академии и других, без сомнения также весьма действителен, когда выбор предметов, соответствуя образованию народа, заманчив для ума и воображения, благоприятствует новости, богатству идей или картин, обращает внимание на истинное достояние искусства, где вещество ждет руки художника или мысль изображения...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0023

**Николай Михайлович
Карамзин**

**Речь, произнесенная на
торжественном собрании
Императорской Российской
Академии 5 декабря 1818
года**

Милостивые государи!

Первым словам моим должна быть благодарность за честь, которой вы меня удостоили: честь делить с вами труды полезные, в то время когда великий монарх новыми щедротами, излиянными на Академию, даровал ей новые средства действовать с успехом для образования языка, для ободрения талантов, для славы отечества. Цель важная и достойная ревности знаменитого общества, основанного Екатериною Второю, утвержденного Александром Первым! Не здесь нужно доказывать пользу сих благородных упражнений разума. Вы знаете, милостивые государи, что язык и словесность суть не только способы, но и *главные* способы народного просвещения; что богатство языка есть богатство мыслей; что он служит первым училищем для юной души, незаметно, но тем сильнее впечатлевая в ней понятия, на коих основываются самые глубокомысленные науки; что сии науки занимают только особенный, весьма немногочисленный класс людей; а словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу; что успехи наук свидетельствуют вооб-

ще о превосходстве разума человеческого, успехи же языка и словесности свидетельствуют о превосходстве народа, являя степень его образования, ум и чувствительность к изящному.

Академия российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев[1]: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии флорентийской и парижской. Екатерина Ве-

ликакая... Кто из нас и в самый цветущий век Александра I может произносить имя ее без глубокого чувства любви и благодарности?.. Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим она умела награждать все достохвальное и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспоминанием.

Утвердив значение слов, избавив писателей от многотрудных изысканий, недоумений, ошибок, Академия предложила и систему правил для составления речи[2]: творение не первое в сем роде: ибо Ломоносов, дав нам образцы вдохновенной поэзии и сильного красноречия, дал и грамматику; но академическая решит более вопросов, содержит в себе более основательных замечаний, которые служат руководством для писателей.

Не имев участия в сих трудах, я только пользовался ими: следственно, могу хвалить их без нарушения скромности и с чувством внутреннего удостоверения.

Но деятельность Академии при новых лестных знаках монаршего к ней внимания не должна ли, если можно, удвоиться? Изданием Словаря и Грамматики заслужив нашу благодарность, Академия заслужит, конечно, и благодарность потомства ревностным, неутомимым исправлением сих двух главных для языка книг, всегда богатых, так сказать, белыми листами для дополнения, для перемен, необходимых по естественному, беспре- станному движению живого слова к дальней- шему совершенству: движению, которое пре- секается только в языке мертвом. Сколько еще трудов ожидает вас, милостивые госуда- ри! Выгодою или пользою всякого общества бывает свободное взаимное сообщение мыс- лей, наблюдений, суд, возражения, утвержда- ющие истину. Здесь нет личности, нет само- любия: честь и слава принадлежат всей Ака- демии, не лицам особенным. Главным делом вашим было и будет *систематическое обра- зование языка*: непосредственное же его *обо- гащение* зависит от успехов общежития и сло- весности, от дарования писателей, а дарова- ния – единственно от судьбы и природы. Сло-

ва не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка, не изобретаются, а в нем уже существуют: надобно только открыть или показать оные.

Но Академия, облегчая для таланта способы приобретать нужные ему сведения, может еще содействовать успехам его и другими средствами: наградами, определенными в *уставе*, и еще более справедливым оценением всякого нового труда, имеющего признаки истинного дарования, хотя еще и незрелого, хотя еще и слабого, не украшенного искусством: ибо слабый луч бывает иногда предтечею яркого света и кедр выходит из земли наравне с низким злаком. Никто не предпишет законов публике: она властна судить и книги и сочинителей; но ее мнение всегда ли ясно, всегда ли определительно? Сие мнение ищет

опоры: если Академия посвятит часть досугов своих *критическому обзору российской словесности*, то удовлетворит, без сомнения, и желанию общему и желанию писателей, следуя правилу, внушаемому нам, и любовью к добру и самую любовь к изящному: *более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно*. Иногда чувствительность бывает без дарования, но дарование не бывает без чувствительности: должно щадить ее. Употребим сравнение не новое, но выразительное: что дыхание хлада для цветущих растений, то излишно строгая критика для юных способностей души: мертвит, уничтожает; а мы должны оживлять и питать – приветствовать славолюбие, не устрашать его: ибо оно ведет ко славе, а слава автора принадлежит отечеству. Пусть низкое самолюбие утешает себя нескромным охуждением, в надежде возвыситься уничижением других: но вам известно, что самый легкий ум находит несовершенства; что только ум превосходный открывает бессмертные красоты в сочинениях. Где нет предмета для хвалы, там скажем все – молчанием. Когда увидим важ-

ные злоупотребления, новости неблагоприятные в языке, заметим, предостережем без язвительной укоризны. Судя о произведениях чувства и воображения, не забудем, что приговоры наши основываются единственно на вкусе, неизъяснимом для ума; что они не могут быть всегда решительны; что вкус изменяется и в людях и в народах; что удовольствие читателей рождается от их тайной симпатии с автором и не подлежит закону рас­судка; что мы никогда не согласимся с англичанами или немцами во мнении о Шекспире или Шиллере; что пример изящного сильнее всякой критики действует на успехи литературы; что мы не столько хотим учить писателей, сколько ободрять их нашим к ним вниманием, нашим суждением, исполненным доброжелательства. Как ни приятна для автора хвала публики и самое одобрение академии, но будет еще приятнее, если соединится с благонамеренным разбором книги его, с показанием ее красот особенных; когда опытный любитель искусства углубится взором, так сказать, в сокровенность души писателя, чтобы вместе с ним чувствовать, искать вы-

ражений и стремиться к какому-то образцу мысленному, который бывает целию, более или менее ясною, для всякого дарования. Самолюбие грубое довольствуется и *немою* хвалою: она нема, когда не изъясняет своего предмета; но самолюбие нежное требует хвалы *красноречивой*: она красноречива, когда изображает хвалимое.

Академия, желая возбудить деятельность умов, и прежде задавала темы писателям, обещая награды успеху: сей способ, одобряемый примером знаменитейших ученых обществ, Французской академии и других, без сомнения также весьма действителен, когда выбор предметов, соответствуя образованию народа, заманчив для ума и воображения, благоприятствует новости, богатству идей или картин, обращает внимание на истинное достояние искусства, где вещество ждет руки художника или мысль изображения. Скажут, что всякий писатель следует собственному внутреннему влечению: избирает, что ему нравится, и не имеет нужды в указаниях. Нет, сии указания бывают иногда плодотворны: чуждое, новое, неожиданное имеет особен-

ную силу для разума деятельного; он спешит присвоить данную ему мысль, вслед за нею стремится к другим и находит сокровища, которые без сего внешнего побуждения остались бы для него, может быть, недоступными. Обширное поле пред нами: философия нравственная с своими наблюдениями, история с преданиями, поэзия с вымыслами, светская и семейственная жизнь с картинами и характерами: везде предметы для гения, не чуждого россиянам и в самые темные времена невежества: ибо он не ждет иногда наук и просвещения, летит и блеском своим озаряет пустыни. Так в остатках нашей древности, в некоторых повестях, в некоторых песнях народных – сочиненных, может быть, действительно во мраке пустынь – видим явное присутствие сего гения; видим живость мыслей, ему свойственную; чувствуем, так сказать, его дыхание. Но он любит искусство и гражданское образование: мелькает и во мраке, но красуется постоянно во свете разума; не есть наука, но заимствует от нее силу для высшего парения. Не дикие имеют Гомеров и Virгилиев. Прекрасный союз дарования с искусством заклю-

чен в колыбели человечества: они братья, хотя и не близнецы. Жалеем об утраченных песнях *древнего соловья* Бояна; жалеем, что «Слово о полку Игореве» одно служит для нас памятником российской поэзии XII века: но век Периклов, Августов ещё впереди для России: да настанет он в благословенное царствование Александра I и да назовется его великим именем!

По крайней мере желаем того. Видим новые училища, новые средства воспитания, новые ободрения для наук и талантов; видим счастливые дарования, любовь ко знаниям и к изящному, несомнительные успехи языка и вкуса, сильнейшее движение в умах – и, следовательно, можем надеяться. Пусть смелые приговоры некоторых критиков осуждают нашу словесность на подражание, утверждая, что она не имеет в себе ничего самородного, особенного: можем согласиться с ними, не охлаждая ревности наших писателей, или не согласиться, доказав неосновательность сего приговора. Петр Великий, могущею рукою своею преобразив отечество, сделал нас подобными другим европейцам. Жалобы беспо-

лезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалася навеки. Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут; читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения. Красоты *особенные*, составляющие характер словесности *народной*, уступают красотам общим; первые изменяются, вторые вечны. Хорошо писать для россиян: еще лучше писать для всех людей. Если нам оскорбительно идти позади других, то можем идти рядом с другими, к цели всемирной для человечества, путем своего века, не Мономахова и даже не Гомерова: ибо потомство не будет искать в наших творениях ни красот «Слова о полку Игореве», ни красот «Одиссеи», но только свойственных нынешнему образованию человеческих способностей. Там нет *бездушного подражания*, где говорит ум или сердце, хотя и *общим* языком времени; там есть *особенность личная*, или характер, всегда новый, подобно как всякое творение физической природы входит в

класс, в статью, в семейство ему подобных, но имеет свое частное знамение. С другой стороны, Великий Петр, изменив многое, не изменил всего коренного русского: для того ли, что не хотел, или для того, что не мог: ибо и власть самодержцев имеет пределы. Сии остатки, действие ли природы, климата, естественных или гражданских обстоятельств еще образуют народное свойство россиян; подобно как юноша еще сохраняет в себе некоторые особенные черты его младенчества, в физическом и нравственном смысле. Сходясь с другими европейскими народами, мы и разнствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так что хотя и не можно иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во *множестве* открывается *народное*. Сию истину отнесем и к словесности: будучи зеркалом ума и чувства народного, она также должна иметь в себе нечто особенное, незаметное в одном авторе, но явное во многих. Имея вкус французов, имеем и свой собственный: хвалим, чего они не хвалят; молчим, где они восхищаются. Есть звуки сердца русского,

есть игра ума русского в произведениях нашей словесности, которая еще более отличится ими в своих дальнейших успехах. Молодые писатели нередко подражают у нас иноземным, ибо думают, ложно или справедливо, что мы еще не имеем великих образцов искусства: если бы сии писатели не знали творцов чужеземных, что бы сделали? *Подражали бы своим*; но и тогда *списки* их остались бы *бездушными*. А кто рожден с избытком внутренних сил, тот и ныне, начав подражанием, свойственным юной слабости, будет наконец *сам собою* — оставит путеводителей, и свободный дух его, как орел дерзновенный, уединенно воспарит в горних пространствах.

Сему-то возвышению отечественных талантов мы должны содействовать, милостивые государи, для их и нашей славы, для их и нашего удовольствия. Слава! Чье сердце, пока живо, может совершенно охладеть к ее волшебным прелестям, несмотря на всю обманчивость ее наслаждений? Пленяя юношу своими лучезарными призраками, венком лавровым и плеском народным, она манит и старца к своим монументам долговечным, к

памятникам заслуг и благодарности. Мы желали бы из самого гроба действовать на людей подобно невидимым добрым гениям и по смерти своей еще иметь друзей на земле. Но ежели слава изменяет, то есть другая, вернейшая, существеннейшая награда для писателя, от рока и людей независимая: *внутреннее услаждение деятельного таланта*, изъясняющее для нас удивительную любовь к трудам и терпение, коему мы обязаны столь многими бессмертными творениями и которое Бюффон называл *превосходнейшим даром*: ибо не одни сочинители фолиантов, не одни антиквариаты имеют нужду в терпении: оно, может быть, еще нужнее для великого поэта, для великого оратора или великого живописца природы. «Удаленный от света и (сказал мне, в юности моей, старец Виланд) не имея ни читателей, ни слушателей, в дикой пустыне, среди необитаемого острова, я в восторге беседовал бы с уединенною музою, неутомимо исправляя стихи мои, хотя бы и неизвестные миру». Вот тайна писателей, часто, но не всегда ласкаемых славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, вне-

запно представляясь уму, оживляют душу и питают ее таким чистым, полным, ей *сродным* удовольствием, что она в сии счастливые минуты забывает всякое иное земное счастье. Когда, в торжественном безмолвии храма и пышного двора Людовикова, указывая на гроб великого Конде, бессмертный Боссюэт гремел священным гласом веры, совлекал блестящие покровы с суетного величия, обнажал ничтожность мирских идолов, унижал гордыню, но возвышал душу откровениями неба: тогда, волнуя сердца, видя везде слезы и сам обливаясь ими, он, без сомнения, наслаждался полнотою чувств своих и действия их на слушателей; но, может быть, еще более наслаждался, когда писал сию вдохновением ознаменованную речь; когда, углубясь в свою душу, черпал в ней сии разительные слова и мысли! Юноши, рожденные с истинными дарованиями! Призываем вас к учению и к трудам: в них найдете для себя благороднейшие, неизъяснимые приятности – награду, которая выше похвал и славы!

Внутреннее удовольствие любимца муз действует всегда и на душу читателей: они

вместе с ним восхищаются умом или сердцем, забывая иногда житейские беспокойства, переселяясь духом в тихий, спокойный мир умозрений, где обитают вечные истины, или вкушая сладость чувств добродетельных, которые одни имеют силу приводить нас в умиление. Видим иногда злоупотребление таланта; но цветы его на ядовитом поле разврата скоро увядают и тлеют: неувядаемость принадлежит единственно благу. В самых мнимых красотах порочного есть безобразие, оскорбительное не только для чувства нравственного, но и для вкуса в изящном, коего единство с добром тайно для разума, но известно сердцу. Низкие страсти унижают, охлаждают дарование; пламень его есть пламень добродетели.

Будучи источником душевных удовольствий для человека, словесность возвышает и нравственное достоинство государств. Великие тени Паскалей, Боссюэтов, Фенелонов, Расинов спасали знаменитость их отечества и в самые ужасные времена его мятежей народных. Если бы греки, если бы самые римляне только побеждали: мы не произносили бы их

имени с таким уважением, с такою любовью; но мы пленялись «Илиадою» и «Энеидою», вместе с афинянами слушали Демосфена, с римлянами – Цицерона. Побеждали и могли: Тамерланы затмили бы Фемистоклов и Цесарей; но моголы только убивали, а греки и римляне питают душу самого отдаленного потомства вечными красотами своих творений. Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, чрез несколько веков обширную своею могилою служила вместо подножия новой державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! И жизнь наша и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертие в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением. – Возвеличенная, утвержденная победами, да сияет Россия всеми блестящими дарами ума бессмертного; да умножает богатства наук и словесности; да

слава России будет славою человечества – и да исполнится таким образом желание Екатерины Второй и Александра Первого!

Примечания

Карамзин произнес речь в связи с избранием его членом Российской академии 5 декабря 1818 года. Впервые она была опубликована в журнале «Сын отечества» за 1819 год, № 51.

Комментарии

Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу... феноменов... – Российская академия, созданная в 1783 году, начала свою работу 21 октября. Уже на втором заседании, 28 октября, было принято решение об издании «Российского толкового словаря». Для составления «Правил и порядка» словаря был создан «отряд» из числа писателей и ученых – Фонвизина, Леонтьева, Разумовского и Лепехина. На следующем заседании, 11 ноября, Фонвизин представил академии составленное им «Начертание для составления толкового словаря». «Начертание» было принято. По программе, составленной Фонвизинным, академия подготовила «Словарь Академии Российской» в шести частях, который был издан в Петербурге в 1789–1794 годах. О нем и говорит Карамзин. Второе издание словаря – «по азбучному порядку расположенное, вновь пересмотренное, исправленное и пополненное» – начало выходить с 1806 года. К 1812 году было издано три части. Остальные три тома выходили с 1814 по 1822 год.

[^^^]

...Академия предложила и систему правил для составления речи... – Карамзин говорит о «Грамматике российской, сочиненной Академией Российской», изданной в 1802 году; в 1809 году вышло второе ее издание.

[^^^]